

М. К. КАРГЕР

К характеристике древнерусского летописца

Когда во второй половине XI века в Киеве первые русские летописцы приступили к созданию истории Русского государства, среди разнообразных исторических источников, к которым они обратились, были и различные памятники материальной культуры.

Разнообразные памятники Киева еще в далекой древности привлекали к себе внимание народа, искавшего у этих молчаливых свидетелей его далекого прошлого ответы на многие волновавшие вопросы. Интерес к памятникам старины возрастал по мере роста народного самосознания.

На территории Киева, в различных его концах, в XI—XII веках возвышалось немало огромных курганов, которые для киевлян той поры были уже памятниками далекого прошлого. Вблизи Печерского монастыря, в урочище, которое и во времена летописца называлось Угорским, находился курган, повидимому, издавна слышший „Аскольдовой могилой“, а в самом центре Ярославова города, за церковью Ирины, выстроенной князем Ярославом Владимировичем недалеко от Софийского собора, был расположен другой курган, называвшийся „Дировой могилой“. Как известно, урочище „Аскольдова могила“ сохранилось в Киеве вплоть до наших дней, а поисками Дировой могилы с увлечением, хотя и безуспешно занимались киевские археологи 30—40-х годов прошлого века.

Под 882 годом в „Повесть временных лет“ занесен рассказ, с помощью которого летописец пытался связать древнейшую новгородскую историю с киевской. Предприняв в 882 году большой поход на юг, Олег захватил Смоленск и Любеч и „подошел к горам Киевским“. Узнав о том, что в Киеве княжат Аскольд и Дир, Олег решил хитростью завладеть городом. Притворившись купцом, идущим в Греки от Олега и Игоря княжича, он заманил Аскольда и Дира на берег, и там находившиеся в засаде воины Олега убили их.¹

Передавая эту устную киевскую легенду о гибели Аскольда и Дира и о захвате города Олегом, пришедшим из далекого северного Новгорода, или Ладоги, летописец стремится подкрепить легендарный рассказ ссылкой на вещественные памятники, хорошо известные его современникам киевлянам. По рассказу летописца, убитых князей „несоша на гору и погребоша ѿ на горе, еже ся ныне зоветь Угорьское, к де

¹ Лаврентьевская летопись, 6390 (882) г.

ныне Олмин двор; на той могиле поставилъ [Олма] церковь свя-
таго Николу; а Дирова могила за святою Ориною“.¹

Языческие курганы, напоминавшие о далеких страницах древнейшей истории родины, привлекали киевского летописца не раз. Рассказав о смерти князя Олега и о погребении его на горе Щековице, летописец и в этом случае не преминул добавить: „есть же могила его и до сего дни, словеть могила Ольгова“.²

Нужно сказать, что во времена летописца память об Олеге обросла уже многими и притом противоречивыми легендами. Если киевский летописец связывал могилу Олега с Киевом, то повесть о смерти Олега, занесенная в I Новгородскую летопись, заканчивалась словами: „есть могила его в Ладозе“.

Для подкрепления полулегендарных рассказов о деятельности первых русских князей IX—X веков летописец ссылался на языческие курганы, сохранившиеся не только в самом Киеве. Повествуя под 945 годом о смерти князя Игоря в Древлянской земле, летописец писал: „...и вышедше из града Изъкоростеня Деревлене убиша Игоря и дружину его; бе бо их мало. И погребен бысть Игорь, и есть могила его у Искоръстеня града в Деревех и до сего дне“.³

Под 977 годом в „Повести временных лет“ читается пространный рассказ о нападении князя Ярополка на своего брата Олега, княжившего в Деревской земле. У города Вручего (Овруча) дружина Олега была разбита наголову. С исключительной реалистичностью летописец описывает паническое отступление Олега и его полков: „Побегъшу же Ольга с вои своими в град, рекомый Вручий, баше через греблю мост к вратам градным, теснячеся друг друга пихаху в греблю; и спехнуша Ольга с мосту в дебрь, падаху людье мнози, и удавиша кони чело-веди“. Заняв город и захватив княжеский стол Олега, Ярополк все же решил найти тело своего погибшего брата. Поиски сначала были безрезультатны. Тогда один „деревланин“ сказал: «аз видех яко вчера спехнуша с мосту». И посла Ярополк искать брата и влачиша трупье из гребли от утра и до полудне, и налезоша и Ольга высподи трупья, вынесоша ѳ, и положиша на ковре“. Заканчивая это повествование, летописец добавил: „И погребоша Ольга на месте у города Вручего, и есть могила его и до сего дне у Вручего“.⁴

Под 1019 годом в „Повесть временных лет“ занесен подробный рассказ о победе Ярослава над Святополком и о бегстве его в Лядскую землю. „Гонимый божьим гневом“ Святополк, по словам летописца, „прибежа в пустыню межю Ляхы и Чехы, испроверже зле живот свой в том месте“. Для вящего подкрепления этого рассказа летописец добавил: „Есть же могила его в пустыни и до сего дне, исходит же от нея смрад зол“.⁵

Таким образом, на протяжении ста тридцати семи лет летописного повествования (с 882 по 1019 год) шесть раз летописец ссылается для подтверждения своего рассказа на старые языческие курганы, связанные народным преданием с историческими лицами, каждый раз отмечая при этом, что могила (т. е. курган, насыпь), о которой идет речь,

¹ Лавр. лет. 6390 (882) г.; ср. Ипатьевскую летопись под тем же годом. Имя Олмы — строителя церкви Николы упомянуто только в Ипатьевской летописи.

² Лавр. лет. 6420 (912) г.

³ Там же, 6453 (945) г.

⁴ Там же, 6485 (977) г.

⁵ Там же, 6527 (1019) г.

сохранилась „и до сего дне“, т. е. до того времени, когда писал летописец.

* * *

Не только древние курганы привлекает летописец в качестве вещественных исторических источников для подтверждения своего рассказа. Древние городища, т. е. заброшенные, опустевшие поселения, города — немые свидетели бурных событий далекого уже прошлого, также привлекают пытливого ум киевского летописца.

Под 971 годом в „Повести временных лет“ помещен рассказ о событиях военного похода Святослава в Болгарию и войны с Византией. Рассказав о военной хитрости греков и русских, пытавшихся взаимно обмануть друг друга завышенными сведениями о численности своих войск, летописец передает речь Святослава, ставшую на многие столетия вперед, вплоть до наших дней, знаменем высокой воинской доблести нашего народа: „...да не посрамям земле Руские, но ляжем костыми ту, мертвыи бо срама не имам, аще ли побегнем, срам имам; ни имам убежати, но станем крепко, аз же пред вами поиду: аще моя глава ляжет, то промыслите собою“. Великая сеча окончилась полным разгромом греков. Повествуя о том, как, преследуя отступавшие полки византийского императора, Святослав „поиде ко граду, воюя и грады разбивая“, летописец заканчивает свой рассказ об этой славной победе русского воинства упоминанием о том, что разоренные Святославом греческие города „стоять и до днешнего дне пусты“, т. е. превратились в „городища“.

Подобная же ссылка на городища как на немых свидетелей очень далекого прошлого отечественной истории сделана в самом начале „Повести временных лет“ в той замечательной по широте исторического замысла картине расселения славянских племен, которую летописец предпослал рассказу о древнейшей истории восточных славян и истории Русского государства: „Дулэбы живяху по Бугу, где ныне Вельняне, а Улучи и Тиверьци седяху по Днестру, приседяху к Дунаеви. Бе множество их; седяху бо по Днестру, оли до моря, и суть гради их и до сего дне, да то ся зваху от Грек Великая Скуфь“. Этот рассказ примечателен своей правдивой ясностью и серьезной попыткой аргументировать его объективными „археологическими“ фактами.

* * *

Широко пользуется киевский летописец ссылками на различные архитектурные памятники: укрепления, дворцы, храмы, привлекая их в качестве исторических источников для подтверждения своего рассказа о различных событиях.

Повествуя под 980 годом о борьбе Владимира Святославича с Ярополком, летописец писал: „И приде Володимер Киеву с вои многи, и не може Ярополк стати противу, и затворися Киеве с людьми своими и с Блудом; и стояше Володимер, обрывся на Дорогожичи, межю Дорогожичем и Капичем, и есть ров и до сего дне“.¹ Необходимо подчеркнуть, что речь идет не о крепостных сооружениях, окружавших Киевский Подол в XI—XII веках, а об остатках заброшенных уже временных укреплений, которые были сооружены дружиной Владимира, подготавливавшейся к штурму Киева.

¹ Там же, 6488 (980) г.

Неоднократно упоминает летописец о древних храмах, дворцах и других сооружениях, связанных тем или иным образом с различными историческими событиями.

Повествуя под 945 годом о прибытии в Киев послов византийского императора для заключения договора, летописец сообщает о клятве, которую сам Игорь с языческой частью дружины давал на Перуновом холме, положив на землю оружие, щиты и золото, а христианская часть дружины — в соборной церкви св. Ильи, по поводу которой летописец добавил: „я же есть над ручаем, конец Пасыньче беседы и Козаре“.¹

Под 988 годом в „Повести временных лет“ читается большой рассказ о Корсунском походе Владимира Святославича, о крещении князя в Корсунь и о вывозе из города различных трофеев. Стараясь различными аргументами подтвердить версию о крещении князя в Корсунь, в противовес другим известиям о его крещении в Киеве, летописец, для вящей убедительности развиваемой им концепции, трижды обращается к архитектурным памятникам Корсуни: „Крести же ся в церкви святого Василья и есть церкви та стояши в Корсуне граде, на месте посреди града, идеше торг деють Корсуняне“. Однако ссылку на сохранившийся до времени летописца храм он счел, повидимому, недостаточной, решив добавить и сведения о дворце, в котором жил Владимир в это время: „палата же Володимеря с края церкви стоять и до сего дне, а царицына палата за алтарем“.² С именем Владимира Святославича в Корсунь были связаны не только „палата“, где он жил, и храм, в котором он крестился. Памятью о событиях, развернувшихся в Корсунь, был еще храм, выстроенный самим Владимиром: „Постави же церковь в Корсунь на горе, идеже съсыпаша среде града, крадуще приспу, яже церкви стоять и до сего дне“.³

Памятники, увековечивавшие Корсунский поход, были воздвигнуты и в Киеве, на центральной площади. Летописец не преминул привлечь и их для подкрепления рассказа о разгроме Корсуни. Возвращаясь из похода домой, Владимир захватил из Корсуни не только „съсуды церковныя и иконы на благословенье себе“. По средневековой традиции, он забрал с собой в качестве трофеев различные монументы, стоявшие на площадях и улицах покоренного города, и украсил ими свою столицу: „Взя же ида (иды) медяне два капища и 4 кони медяны, и же и ныне стоять за святою Богородицею (т. е. за Десятиной церковью, — М. К.), яко же неведуще мнать я мраморяны суца“.⁴ Таким образом, весь ход событий Корсунского похода и крещения князя, изложенный на основе легенд, записанных летописцем, подтверждается им ссылкой на целый ряд памятников, сохранившихся до XI—XII веков как в Корсунь, так и в самом Киеве.

Этот же прием аргументации находим в рассказе о тмутораканских событиях начала 20-х годов XI века. Передавая чисто фольклорный эпизод единоборства князя Мстислава Тмутораканского с касожским князем Редедю, летописец описывает тот момент, когда Мстислав, изнемогая в борьбе („бе бо велик и силен Редедя“), взмолился: „о пречистая Богородице, помози ми; аще бо одолею сего, съзижду церковь, во имя твое“.⁵ Сказав так, он ударил Редедю о землю и зарезал его,

¹ Лавр. лет. 6453 (945) г.

² Там же, 6496 (988) г.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, 6530, (1022) г.

забрав „все именье его и жену его и дети его и дань възложи на Касогы“. Вернувшись в Тмутаракань, Мстислав, выполняя обет, „заложи церковь святяя Богородица и созда ю“, в подтверждение чего летописец добавил: „я же стоять и до сего дне Тьмутаракани“.¹

Наиболее поздним примером подобных ссылок на архитектурные памятники является сообщение о торжественном перенесении в 1072 году тел Бориса и Глеба в новую церковь, выстроенную Изяславом в Вышгороде. Летописец добавил о ней: „я же стоять и ныне“.²

Среди материальных остатков древности, которые привлекает летописец для подтверждения своего повествования, наряду с курганами, городищами, укреплениями, дворцами, храмами, статуями, иногда фигурируют памятные вещи, предметы, связанные с историческими лицами. Рассказывая под 947 годом о путешествии княгини Ольги на север, в Новгородскую землю, где она „устави по Мьсте погосты и дани и по Лузе оброки и дани“ и где следами ее деятельности были „ловища по всей земли, знаменья и места и погосты“, летописец упомянул и о том, что сани княгини Ольги „стоять в Плескове и до сего дне“.

* * *

Наряду со ссылками на „археологические“ памятники в прямом смысле этого слова, излюбленным приемом летописца являются также попытки установить древнюю топографию частей города, его урочищ, сооружений, мест, где происходили те или иные события, с помощью сопоставления с современной для летописца топографией города, что для читателей XI—XII веков делало места тех или иных исторических событий конкретными, а самые события более понятными. Так, определяя местоположение древнего города Кия на горе, летописец устанавливает его словами: „Седяше Кий на горе, идеже ныне увоз Боричев“.³

Определяя территорию Киева времен Ольги, летописец говорит о нем: „Град же бе Киев, идеже ныне двор Гордятин и Никифоров“,⁴ а упоминая о княжеском дворе в это же время, уточняет его местоположение словами: „а двор княж бяше в городе, идеже ныне двор Вор’отиславль и Чюдин“.⁵ Другой княжеский двор, расположенный „вне града“, по словам летописца, находился „идеже есть двор Демьстиков за святою Богородицей“.⁶ Говоря о многоженстве Владимира в рассказе о Рогнеде, посаженной на Лыбеди, летописец указывает, что место это находилось там, „идеже ныне стоять сельце Предъславино“.⁷

Повествуя под 983 годом о варяге-христианине, сына которого язычники-киевляне хотели принести в жертву богам, летописец отмечает, что двор его находился там, „идеже есть церкви св. Богородица, юже сделал Володимер“.⁸

¹ Там же, 6530 (1022) г.

² Там же, 6580 (1072) г.

³ Лаврентьевская летопись. СПб., 1897, стр. 8.

⁴ Лавр. лет. 6453 (945) г.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же, 6488 (980) г.

⁸ Там же, 6491 (983) г.

При описании битвы с печенегами в 1036 году летописец указывает место битвы там, „и де же стоит ныне святая Софья, митрополя Русьская; бе бо тогда поле вне града“.¹

* * *

Приведенные выше отрывки летописного текста свидетельствуют о том, что с первых страниц „Повести временных лет“ и вплоть до начала 70-х годов XI века через летописное повествование красной нитью проходит устойчиво применяющийся прием своеобразной „научной аргументации“, как бы подтверждающей историческое или полуполюгендарное повествование ссылкой на разнообразные вещественные памятники далекого для времени самого летописца прошлого.

Сам по себе этот факт, не отмечавшийся, сколько мне известно, исследователями древнерусского летописания с необходимой полнотой, представляет уже значительный интерес как для характеристики работы древнерусского летописца, так и для уяснения предистории русской археологической науки. Необходимо отметить, что исследователи древнерусского летописания, характеризуя отдельные этапы его развития, указывали среди источников, откуда летописцы того или иного времени могли черпать свои материалы, фольклорные источники, упоминая иногда в числе последних и овеянные легендами „мемориальные урочища, или предметы“, в частности древние курганы, связанные с именами исторических деятелей.² Однако эти упоминания имели обычно несколько случайный, эпизодический характер, в результате чего и самый прием летописной работы, имеющий для нас особый интерес, оставался невыясненным и терялся среди многих других особенностей труда летописца, которым исследователи древнерусских летописей уделяли основное свое внимание.

Таким образом, до настоящего времени оставалась невыполненной даже первичная задача систематизации интересующих нас „археологических экскурсов“ древнерусского летописца; вовсе же неясным оставался вопрос о том, является ли прием аргументации с помощью привлечения вещественных памятников приемом, характеризующим какого-либо определенного летописца, или же это — черта, свойственная древнерусскому летописанию вообще, или хотя бы какому-нибудь его периоду. Попытка ответить на этот вопрос заставляет нас обратиться к сложнейшей и до настоящего времени дискуссионной проблеме исторического состава „Повести временных лет“. Как установлено исследователями древнерусского летописания — акад. А. А. Шахматовым, М. Д. Приселковым, Д. С. Лихачевым и др., — „Повесть временных лет“, один из замечательнейших памятников высокой культуры Киевской Руси, является произведением, далеко не однослойным.

Критическое изучение этого летописного свода имеет за собой уже почти полуторавековую историю. Если даже не ставить в настоящей работе непосильную для автора задачу изучения всей историографии интересующего нас памятника, то все же необходимо отметить, что даже исследователи, изучавшие „Повесть временных лет“ за последние полвека, стояли и стоят далеко не на тождественных позициях в решении важнейших вопросов истории сложения этого памятника.

¹ Лавр. лет. 6544 (1036) г.

² История русской литературы, т. I. М.—Л., 1941, стр. 262. Ср.: М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 41.

Как было установлено трудами А. А. Шахматова, в составе „Повести временных лет“, прошедшей после ее создания печерским летописцем Нестором около 1113 г. еще две дополнительные редакции (в 1116 и 1118 гг.), достаточно отчетливо прослеживаются три более ранних этапа летописной работы в Киеве. Древнейший пласт, вскрытый А. А. Шахматовым и названный им условно „Древнейшим Киевским сводом“, составленный в конце 30-х годов XI в., является, по признанию более поздних исследователей, наиболее слабым звеном всей концепции Шахматова. Именно этот древнейший пласт киевского летописания получил несколько позже глубоко ошибочную историческую трактовку в трудах М. Д. Приселкова, пытавшегося доказать, что Древнейший Киевский свод 1037—1039 годов представлял собой нечто вроде докладной записки, составленной киевской митрополией, находившейся в руках греков, в Константинополь.¹

Совершенно новое понимание, решительно отличавшееся и от концепции А. А. Шахматова и тем более от трактовки М. Д. Приселкова, выдвинул в ряде своих работ по летописанию Д. С. Лихачев. Утверждая, что он лишь „продолжил наблюдения А. А. Шахматова“, внося в них „некоторые поправки“,² Д. С. Лихачев в сущности разрушил как фикцию реконструированный А. А. Шахматовым „Древнейший свод“. Труды Д. С. Лихачева установлено, что свод 1037—1039 годов „отличается не большей цельностью, чем и сама «Повесть временных лет»“,³ что не только вставки, переделки и дополнения, но и соединение идейно и стилистически разнородного материала характеризуют „Древнейший свод“.

Расслоив „Древнейший свод“ А. А. Шахматова, Д. С. Лихачев доказал, что древнейшим пластом киевского летописания — „первым произведением по русской истории“ (как называл его сам автор, заменив термин А. А. Шахматова „Древнейший летописный свод“), было составленное при Ярославе „Сказание о распространении христианства на Руси“. Д. С. Лихачевым была глубоко раскрыта идейная и стилистическая основа этого произведения, вызванного подъемом политического самосознания русского народа и тесно связанного с другими явлениями литературы и всей культуры эпохи Ярослава Мудрого.⁴

Это „первое произведение по русской истории“, понимавшееся как церковная история по преимуществу, получило дальнейшее продолжение и развитие в деятельности печерских монахов — летописцев с начала 60-х годов XI века. После водворения в Киеве митрополита-грека, сменившего митрополита Илариона, летописная работа была продолжена в Киево-Печерском монастыре. Здесь первоначальное „Сказание о распространении христианства на Руси“ получает дополнения, касающиеся светской, по преимуществу военной, истории Руси; здесь были введены в летопись народные сказания о первых русских князьях, о победах русского оружия и в значительной мере события из жизни самого Печерского монастыря; здесь же в летописании впервые был применен хронологический принцип изложения по годовым статьям. По словам Д. С. Лихачева, „первое русское историческое произведение, созданное при Ярославе Мудром, разрастаясь добавлениями, сделанными

¹ М. Д. Приселков: 1) История..., стр. 26—27; 2) Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 82.

² Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 75.

³ Там же, стр. 62.

⁴ Там же, стр. 62—76.

к нему в Печерском монастыре, постепенно становится тем, что мы привыкли называть летописью¹. Характеризуя этот начальный период русского летописания, связанный с Киево-Печерским монастырем, Д. С. Лихачев справедливо утверждал, что не только идейные черты древнейшего русского летописания — его публицистические тенденции, учительный по отношению к князьям характер, рассудительность и принципиальность, — но и по существу все внешние особенности русского летописания — его связь с фольклором, с деловой речью, хронологический принцип изложения и т. д. — все это определилось уже здесь, в Киево-Печерском монастыре.²

Трудами А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова было неоспоримо установлено участие в печерском летописании сподвижника Антония и Феодосия Печерских — Никона, которого Нестор в житии Феодосия называет „великим“, изображая за неустанной работой, „сидящу и страшу книги“. М. Д. Приселков выдвигал остроумную гипотезу о том, что под монашеским именем Никона в Печерском монастыре продолжал свою глубоко патриотическую деятельность смещенный с митрополичьей кафедры Иларион.³ А. А. Шахматовым и М. Д. Приселковым было доказано, что яркая биография Никона позволяет раскрыть и объяснить многие черты киевского летописания той поры, когда оно было сосредоточено в Печерском монастыре.

Взяв за основу „Сказание о распространении христианства на Руси“, Никон Печерский ввел в него устные предания киевского, новгородского, тмутораканского и северночерноморского происхождения; тем самым он создал, по словам Д. С. Лихачева, „первую систематическую историю русского народа“.⁴ Именно Никон придал своему произведению ту форму летописи, которая легла в основу последующего развития древнерусского летописания. К характеристике некоторых приемов летописной работы Никона Печерского нам придется еще обратиться несколько позже.

К первоначальным годам княжения Святополка, отмеченным резкими конфликтами с ним Печерского монастыря, относится составление нового печерского летописного свода, названного А. А. Шахматовым „Начальным сводом“,⁵ а М. Д. Приселковым — „Сводом Ивана 1093 года“.⁶ Составитель свода 1093 года ставил себе публицистические задачи: на примерах древних русских князей он стремился исправить новых. Русская история рассматривалась теперь как назидательное прежде всего и воспитывающее патриотизм чтение.⁷

Наконец, около 1113 года в Печерском же монастыре был создан новый памятник русского летописания — собственно „Повесть временных лет“, написанная печерским монахом Нестором, дошедшая до нас в переработках двух последующих редакторов, работавших в 1116 и 1118 годах.⁸ Несмотря на некоторые изменения, внесенные этими редакторами, „Повесть временных лет“, как это прочно установлено исследователями древнерусского летописания, может считаться созда-

¹ Д. С. Лихачев. Русские летописи . . . , стр. 77.

² Там же, стр. 82.

³ М. Д. Приселков: 1) Очерки . . . , стр. 181—184; 2) Нестор-летописец. Пгр., 1923, стр. 22.

⁴ Д. С. Лихачев. Русские летописи . . . , стр. 90.

⁵ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 12 и сл.

⁶ М. Д. Приселков. История . . . , стр. 34—36.

⁷ Д. С. Лихачев. Русские летописи . . . , стр. 97.

⁸ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I. Пгр., 1916, стр. I—XI.

нием печерских летописцев. Нестор соединил в своем произведении материал и особенности более старых печерских сводов с их антигреческой и общерусской направленностью и вместе с тем придал новому летописному своду „черты официальной сдержанности нового княжеского летописания“.¹

* * *

К которому из перечисленных выше исторических пластов „Повести временных лет“, отражающих весьма различные этапы летописной работы в Киеве с середины XI по начало XII столетия, относятся приведенные выше экскурсы летописца в область вещественных, „археологических“ памятников?

Необходимо прежде всего подчеркнуть, что приведенные выше ссылки летописца на различные древние памятники отличаются чрезвычайной устойчивостью в отношении литературной формы. Из приведенных восемнадцати ссылок на различные древние памятники в шестнадцати случаях летописец пользуется почти трафаретной с литературной точки зрения формулой. Рассказ о смерти и погребении Олега заканчивается словами: „есть же могила его и до сего дни“; рассказ о смерти и погребении Игоря — словами: „есть могила его у Искоростеня града в Деревах и до сего дне“; рассказ о смерти и погребении князя Олега Святославича — „и есть могила его и до сего дне у Вручего“; рассказ о смерти князя Святополка Окаянного — „есть же могила его в пустыни и до сего дне, исходит же от нее смрад зол“; рассказ о разгроме Святославом городов на Балканах — „яже стоять и до днешнего дне пусты“; рассказ о городах уличей и тиверцев на Днестре — „и суть гради их и до сего дне“; рассказ об укреплениях, созданных Владимиром под Киевом, — „и есть ров и до сего дне“; рассказ о церкви Ильи, в которой клялись дружинники Игоря, — „яже есть над ручаем, конец Пасынъче беседы и Козаре“; рассказ о Корсунской церкви Василия, в которой крестился Владимир, — „и есть церкви та стоящи в Корсуне граде, на месте посреди града, идеже торг деють Корсуняне“; рассказ о корсунской палате, в которой жил Владимир, — „полата же Володимеря с края церкви стоять и до сего дне, а царицына полата за алтарем“ (подразумевается также: „стоит и до сего дне“); рассказ о церкви, построенной Владимиром в Корсуне, — „яже церкви стоять и до сего дне“; рассказ о постановке в Киеве капищ и четырех коней — „иже и ныне стоять за святою Богородицею“; рассказ о церкви в Тмутаракани, выстроенной Мстиславом, — „яже стоять и до сего дне Тмутаракани“; рассказ о церкви Бориса и Глеба в Вышгороде, выстроенной Изяславом в 1072 году, — „яже стоять и ныне“; и, наконец, рассказ о саях княгини Ольги, сохранившихся во Пскове, — „и сани ее стоять в Плескове и до сего дне“. Незначительно отличающийся с литературной стороны рассказ о погребении Аскольда и Дира вызван контекстом: „на той могиле (Аскольда, — М. К.) [Олма] поставил церковь святого Николу (перед этим место могилы определялось словами: „къде ныне Ольмин двор“, — М. К.), а Дирова могила за святой Ориною“.

Повторяющийся неоднократно прием обращения к вопросам „исторической топографии“ отличается также чрезвычайной устойчивостью со стороны литературной формы. Древнее местоположение „города

¹ Д. С. Лихачев. Русские летописи..., стр. 171.

Кия“ летописец определяет словами: „иде же ныне увоз Боричев“; местоположение Угорского — к где ныне Олмин двор“; местоположение города Киева времен Ольги — „иде же ныне двор Гордятин и Никифоров“; местоположение княжеского двора — „иде же ныне двор Воротиславль и Чюдин“; местоположение другого княжеского двора — „иде же есть двор Демьстиков за святою Богородицею“; местоположение двора варяга — „иде же есть церкви святая Богородица“; место битвы с печенегами в 1036 году — „иде же стоять ныне святая Софья митрополя Русьская, бе бо тогда поле вне града“; местоположение села Рогнеды — иде же ныне стоять сельце Предславино“; местоположение сельца Берестова (времени Владимира) — „еже зовуть ныне Берестовое“.

Общность обоих приемов доказательства, с ссылкой на источники, объективная убедительность которых была столь привлекательна для летописца XI века, дополняемая к тому же общностью, а в значительной мере просто тождественностью литературного оформления этих приемов, склоняет нас к мысли о принадлежности интересующих нас „археологических экскурсов“ в тексте „Повести временных лет“ какому-то одному из авторов, работавших над созданием этого сложного летописного свода.

* * *

Для того чтобы вывести это предположение из категории чисто историко-литературных догадок, необходимо обратиться к содержанию тех летописных статей, для которых характерны интересующие нас „археологические экскурсии“.

Работами А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова было неоспоримо установлено, что ряд тмутораканских событий, случившихся в те годы, когда в Тмуторакани в добровольном изгнании проживал Никон, были внесены в киевскую летопись несомненно им. Никон же внес в летописный рассказ и ряд местных преданий, связанных с более ранними событиями в Тмуторакани, как, например, фольклорное сказание о поединке тмутораканского князя Мстислава Владимировича с косожским князем Редедеем.¹ Таким образом, ссылка на сохранившуюся „и до сего дне“ тмутораканскую церковь Богородицы, выстроенную Мстиславом, несомненно принадлежит Никону.

Использование фольклора Причерноморья привело Никона и к переработке более раннего рассказа „Сказания“ о крещении Руси на основе так называемой „Корсунской легенды“.² Как справедливо отметил Д. С. Лихачев, ряд фольклорных мотивов, свидетельствующих об устном происхождении легенды, которой воспользовался Никон, своей топографической точностью указывает на ее причерноморское происхождение.³

Действительно, в рассказе о корсунских событиях мы находим и описание деталей устройства водопровода в Корсуни из колодца, расположенного вне города, и точное указание, где стоят „до сего дне“ церковь Василия, в которой крестился Владимир, палата, в которой он жил, и палата царицы. Упомянут как памятник корсунских событий

¹ А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 424 и сл. — М. Д. Приселков. История..., стр. 38. — Д. С. Лихачев. Русские летописи..., стр. 87.

² Д. С. Лихачев: 1) Русские летописи..., стр. 87; 2) Повесть временных лет, ч. II. М.—Л., 1950, стр. 336. Ср.: История русской литературы, т. I. М.—Л., 1941, стр. 271.

³ Д. С. Лихачев. Русские летописи..., стр. 87.

и храм, выстроенный в Корсуни самим Владимиром, который также по летописному рассказу „стоит и до сего дне“.

Рассказ о корсунских событиях завершается сообщением о том, как в самом Киеве по средневековой традиции были установлены увезенные из Корсуни в качестве трофеев „иды медяне, два капища и четыре кони медяны“, о которых летописец не преминул сказать своей привычной формулой — „иже и ныне стоят за святою Богородицею“, добавив при этом, что „неведуще“ считают их мраморными.

Следовательно, все четыре ссылки „Повести временных лет“ на архитектурные и скульптурные памятники, стоящие „и до сего дне“, приводимые в подтверждение рассказа об исторических событиях Корсунского похода, относятся к тому пласту „Повести“, который несомненно восходит к Никоновскому своду 1073 года.

По мнению М. Д. Приселкова, Никон, располагая какой-то болгарской летописью, извлек из нее героические подробности войны Святослава с болгарами и греками.¹ Таким образом, приведенная выше летописная ссылка на опустошенные Святославом греческие города, стоящие „до днешнего дне пусты“, т. е. превратившиеся в городища, также несомненно принадлежит Никону.

Небезынтересно отметить, что в летописном рассказе о болгарском походе 971 года есть еще одно место и по литературной манере, и, что важнее, по политической направленности выдающее авторство Никона. Рассказывая о притворстве греков, пытавшихся обмануть Святослава при переговорах, летописец добавляет: „Се же реща Грьци, льстяче под Русью, суть бо Греди лстивы и до сего дни“.² Один из последующих редакторов Свода 1073 года, настроенный более грекофильски, заменил слово „лстивы“ словом „мудри“,³ явно нарушив смысл довольно ядовитой никоновской реплики.

Политически заостренные ссылки на современность (на „сей день“) были, повидимому, излюбленным литературным приемом Никона. Так, услышав в Тмутаракани хазарское предание о том, что хазары когда-то брали дань с полян, но позже от нее отказались, Никон включил это предание в летопись, заметив при этом: „владеють Козары Русьстии князи и до днешнего дне“ (вероятно, в Тмутаракани).⁴

Рассказы, повествующие о древнейших страницах истории самого города Киева, связанные с событиями военной и политической истории и деятельностью первых князей, принадлежат несомненно Никону. По мнению А. А. Шахматова, рассказом о происхождении Киева начинался „Древнейший Киевский свод“ 1039 года. В действительности этот рассказ был введен в состав летописи, повидимому, Никоном Печерским, который, взяв за основу своего труда „Сказание о первых русских христианах“, составленное в 30-х годах XI века митрополитом Иларионом, добавил к этому „первому произведению по русской истории“ рассказы, касавшиеся светской истории Руси. Никон приступил к собиранию материала для своего труда еще в начале 60-х годов XI века, продолжая эту работу и в Тмутаракани, куда он вынужден был уехать в результате конфликта с киевским князем, и закончил его по возвращении в Киев.

По словам Д. С. Лихачева, „Никон заносил в свою летопись не только современные ему события, но и прошлые, восполняя недостаток

¹ М. Д. Приселков. История... стр. 33.

² Лавр. лет. 6479 (971) г.

³ Ипат. лет. 6479 (971) г.

⁴ М. Д. Приселков. История... стр. 33.

письменных материалов устными источниками".¹ Как в обработке текста древнейшего „Сказания“, так и в своем приложении к нему Никон настойчиво проводит патриотическую мысль, что Русская земля, имеющая за собой немалую военную славу в прошлом, могущественная в настоящем, не нуждается ни в чьей опеке и прежде всего в опеке константинопольской церкви.²

Никон, повидимому, и внес в летопись все рассказы о событиях древнейшей военной и политической истории Киевского государства, прочно вошедшие потом в последующую русскую историографию. Полагаю, что Никону Печерскому принадлежат и те страницы „Повести временных лет“, которые посвящены исторической топографии самого города Киева и некоторых других городов Киевской земли со ссылками на различные памятники и исторические урочища, о которых была речь выше.

* * *

Только один летописный отрывок из числа приведенных выше как будто бы противоречит высказанному нами предположению. Еще А. А. Шахматов, а за ним М. Д. Приселков, расчлняя разновременные пласты „Повести временных лет“, обратили внимание на рассказ, читающийся под 1044 годом во всех редакциях „Повести временных лет“, о том, что в этом году были выкопаны из могил останки („кости“) Ярополка и Олега Святославичей и после совершения над ними обряда крещения положены в киевской церкви Богородицы (Десятинной).³

По мнению названных исследователей, это известие оказывается несогласованным с известием под 977 годом, в котором после описания гибели Олега Святославича было сказано, что его похоронили у города Вручого и „есть могила его и до сего дне у Вручого“. Из этой кажущейся несогласованности известий 1044 и 907 годов делался вывод о том, что летописатель, который излагал предание о смерти Олега Святославича, работал до 1044 года, так как он не знал еще того, что останки Олега были выкопаны.⁴ К этому мнению присоединился позже и Д. С. Лихачев, полагавший, что „летописец, писавший о том, что Олег Святославич был похоронен у Вручого, где могила его есть «и до сего дне», работал до 1044 года, иначе он отметил бы такое важное обстоятельство, как отсутствие в могиле погребенного в ней тела Олега“.⁵

Действительно ли отмеченная тремя исследователями „Повести временных лет“ „несогласованность“ записей 907 и 1044 годов свидетельствует о том, что запись о погребении Олега и о могиле его у Вручого была сделана автором „Древнейшего свода“ и не может быть отнесена к числу дополнений, внесенных Никоном?

Полагаю, что никакой „несогласованности“ между летописными записями 907 и 1044 годов в действительности нет. Не следует забывать, что древнерусское слово „могила“ означает холм, курган, насыпь, а отнюдь не „захоронение“. Поэтому, описывая события, связанные со смертью и погребением князя Олега, Никон совершенно резонно

¹ Д. С. Лихачев. Русские летописи..., стр. 87.

² М. Д. Приселков. История..., стр. 33. — Д. С. Лихачев. Русские летописи..., стр. 90.

³ „Выгребоша 2 князя Ярополка и Ольга, сына Святослава и крестиша кости его, и положиша я в церкви святая Богородица“ [Лавр. лет. 6552 (1044) г.].

⁴ М. Д. Приселков. История..., стр. 17.

⁵ Д. С. Лихачев. Повесть временных лет, стр. 56.

мог вспомнить существовавшую и в его дни высокую курганную насыпь у Овруча, народным преданием связываемую и в это время с именем Олега Святославича, хотя курган был уже разрыт и кости погребенного покоились в Десятиной церкви. Добавим к этому, что известны достаточно многочисленные древние могилы (курганы) — кенотафы (без захоронений), которые насыпались в память погибших на чужбине. Несомненно они также назывались могилами. Из сказанного следует, что известие об Овручском кургане Олега нет особых оснований относить к древнейшему пласту киевского летописания и более правдоподобно рассматривать его в связи с другими летописными экскурсами в область „археологических“ памятников, усматривая в них характерный прием летописной работы составителя Свода 1073 года.

Разумеется, предположение о связи этого приема с летописным творчеством Никона не исключает возможности, что последующие составители и редакторы „Повести временных лет“, в частности Нестор Печерский, под прямым влиянием Свода 1073 года, игравшего огромную роль в формировании последующего киевского летописания, могли в отдельных случаях прибегнуть к аналогичным „археологическим экскурсам“. Несомненно Нестору, в частности, принадлежит приведенная выше ссылка на опустевшие „гради“ уличей и тиверцев, сохранившиеся „до сего дне“ по Днестру „оли до моря“.

Современный исследователь, решающий задачи историко-археологического изучения древнего Киева, не может забыть огромного вклада, внесенного в дело изучения древнейшего долетописного периода истории города киевским летописцем второй половины XI века. Пытливый и ясный ум, глубокое сознание важности и ответственности задачи создания связной и правдивой истории своего народа, разносторонняя образованность и заостренная патриотическая направленность, умение связать славное прошлое своего народа с его блестящим настоящим — все это выдвигает Никона Печерского в разряд наиболее ярких и замечательных деятелей культуры Киевской Руси.

Нельзя не заметить ряда черт, тесно сближающих идейно-политическое содержание литературной деятельности Никона с основными идеями, за осуществление которых боролся несколькими годами ранее митрополит Иларион. Недаром возникла мысль о том, что Никон — это и есть удалившийся в монастырь Иларион.

Прославленный Иларионом как „град величеством сияющь“, древний Киев нашел своего первого историка и археолога в лице Никона. Ему — скромному печерскому летописцу — наша наука обязана замечательной по своей целостности и правдивости реконструкцией облика древнейшего города, который уже для самого летописца был далеким историческим прошлым.